

**ПОБИТЬ ЕГО ЛЕНИНЫМ И ФАКТАМИ:
ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУЛЬТА
В ДИСКУССИИ 1920-х ГОДОВ**

Тимофей Раков

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

**TO DEFEAT HIM BY QUOTING LENIN AND FACTS:
PRACTICES OF THE POLITICAL CULT
IN DISCUSSIONS OF THE 1920S***

Timofey Rakov

University of Tyumen,
Tyumen, Russia

This article analyses practices related to the cult of Lenin in the confines of the Leningrad party organisation of the RCP(b) and its influence on inner-party discussions and political disagreements. The author aims to examine how appeal to the cult and Leninism helped shape the position of the Leningrad Bolsheviks led by G. E. Zinoviev. To achieve this goal, the author refers to a variety of sources, i. e. the works of the leaders of the Leningrad party organisation, such pamphlets by G. I. Safarov and G. E. Evdokimov, minutes of district party conferences, etc. The sources listed above suggest that the terms “testament,” “heritage,” and “task” used in party discourse symbolise a set of actions and principles, following and being faithful to which allowed party members to comply with the correct political line. For representatives of the Leningrad opposition, this meant relying on the poor and middle strata of the village. The category of practice mentioned in the title of this article means that attention was paid not so much to the function of quotations or clichéd phrases but rather to what party groups implied when quoting Lenin’s statements.

* *Citation:* Rakov, T. (2020). *To Defeat Him by Quoting Lenin and Facts: Practices of the Political Cult in Discussions of the 1920s*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 488–502. DOI 10.15826/qr.2020.2.476.

Цитирование: Раков Т. *Побить его Лениным и фактами: практики политического культа в дискуссии 1920-х годов* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 488–502. DOI 10.15826/qr.2020.2.476 / Раков Т. *Побить его Лениным и фактами: практики политического культа в дискуссии 1920-х годов* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 488–502. DOI 10.15826/qr.2020.2.476

The term “cult”, which historiography usually employs to describe the veneration of V. I. Lenin as the leader of the party, does not reflect the entirety of this process or take into account its productive component, namely, the fact that, because of its heterogeneity, Leninism allowed members of the Communist Party to pay attention to diverse aspects of Lenin’s heritage. In the course of the polemic surrounding issues facing the party (politics in the countryside, the possibility of building socialism in a single country, etc.), the Leningrad Bolsheviks turned to Leninism as a range of ideas legitimising their political position and as a tool for identifying the Bolsheviks who, in contrast to the Leningraders, “deviated” from the correct political line.

Keywords: political cult; discussion; Bolshevik party; political practices; Leninism; Leningrad party organisation.

Статья посвящена анализу практик культа В. И. Ленина в ленинградской партийной организации РКП(б) и его влиянию на внутрипартийные дискуссии. Для рассмотрения того, как обращение к ленинизму способствовало оформлению позиции ленинградских большевиков во главе с Г. Е. Зиновьевым, задействованы разнообразные источники: произведения руководителей партийной организации Ленинграда, брошюры Г. И. Сафарова и Г. Е. Евдокимова, протоколы районных партийных конференций и т. п. При работе с вышеперечисленными источниками автор резюмировал, что встречающиеся в партийной публицистике термины «завет», «наследство», «задача» символизируют набор действий и принципов, правильное исполнение или верность которым позволяли члену партии соответствовать верной политической линии. Для представителей ленинградской оппозиции это означало опору на бедные и средние слои деревни. Категория практики предполагает внимание не столько к функционированию цитат или клишированных фраз, сколько к тому содержанию, которое вкладывалось теми или иными партийными группами в цитирование работ В. И. Ленина. Термин «культ», которым, как правило, описывается почитание В. И. Ленина как вождя партии, не охватывает всей специфики этого процесса и не учитывает его продуктивную составляющую, при которой вследствие своей гетерогенности ленинизм позволял различным членам партии обращать внимание на разные аспекты ленинского наследия. Ленинградские большевики в ходе полемики вокруг вопросов, стоявших перед партией (политика в деревне, отношение к возможности построения социализма в одной стране и других), обращались к ленинизму как к легитимизирующему их политическую позицию спектру идей и как к инструменту выявления тех, кто, в отличие от ленинградцев, «уклонился» от правильной политической линии.

Ключевые слова: политический культ; дискуссия; партия большевиков; политические практики; ленинизм; ленинградская партийная организация.

Ленинизм, безусловно, относится к политическим культам советского общества. Существующая историография по проблематике культов обращается к почитанию Ленина [Tumarkin; Velikanova; Эннкер], и даже чаще – к сталинскому культу личности 1930-х гг. [Plamper; Rolf; Ennker]. Историография, обращая внимание на культ, обходит стороной почитание вождей как практику, которая объединяет всю партию, будь то сторонники ЦК или же его оппоненты. В статье рассматривается практика обращения к ленинизму в контексте политических разногласий 1925 г. и анализируется, как ленинградские большевики использовали эту практику в полемике с ЦК партии.

В середине 1920-х гг. ленинский культ не был внутренне целостным. Каждая из внутривнутрипартийных групп, будь то сторонники ЦК или оппозиционеры, могла по-разному интерпретировать содержание ленинского наследия. Инструменталистское отношение к ленинизму и его собственная гетерогенность порождали ситуацию, когда в текстах Ленина отыскивалось теоретическое руководство для партии по любым вопросам, и в то же время члены партии могли извлекать необходимое каждому из корпуса текстов.

В статье под практиками понимаются практики политические, выраженные способами дискутирования. Такая постановка вопроса позволяет вслед за трактовкой Л. Альтюссера преодолеть различие между идеологией и ее материальным воплощением [Альтюссер]. Ленинизм становился идеологией в момент, когда цитируемые произведения В. И. Ленина превращались в орудие в сиюминутных политических разногласиях.

Под ленинградскими большевиками в статье подразумеваются работники прежде всего партийного аппарата Ленинградского губкома партии, выступавшие в поддержку определенной политической линии в отношении экономической политики партии и взаимоотношений с крестьянством. Нельзя сказать, что они были связаны именно персоной Зиновьева, хотя он и был главным трибуном и оратором позиции ленинградцев, но эта группа выстраивалась не только на основе патронажа и клиентелы. Влияние Зиновьева на принятие политических решений в самом Ленинграде постепенно снижалось, что видно из того, как уменьшилось его участие в повседневной работе Городского совета депутатов и губкома партии начиная приблизительно с 1922 г. [Вихров, с. 141]. Для Зиновьева стала более важной роль члена Политбюро и председателя исполкома Коминтерна. Более того, он не входил в число секретарей партийной организации, то есть не обладал административным влиянием. Ленинградских большевиков стоит трактовать как группу, сложившуюся к середине 1920-х гг. сначала по принципу персональных связей в руководстве города, а затем и заявившую о себе как об обладающей схожими политическими принципами. Впервые солидарность ленинградцев проявилась в ходе дискуссии с левой оппозицией в 1923 г., и особенно в ходе литературной дискуссии 1924 г. Так, именно представители Ле-

нинграда были в числе сторонников наиболее радикальных мер в отношении Л. Д. Троцкого по итогам дебатов 1924 г.

Политические принципы этой группы к 1925 г. можно описать как курс на сохранение важности в партии интернационализма в противовес теории построения социализма в одной стране, ориентацию на средние и беднейшие слои деревни в аграрной политике и ставку на индустриализацию и поддержку пролетариата в городах. Среди важных для данной статьи личностей из числа ленинградцев необходимо упомянуть Г. Е. Евдокимова¹ и Г. И. Сафарова². Первый был секретарем городской партийной организации еще со времен Гражданской войны. Вторым в начале 1925 г. руководил в губкоме работой комсомола, но затем был от нее отстранен. Пожалуй, после Зиновьева Сафаров был наиболее ярким публицистом из представителей «ленинградской оппозиции».

В 1925 г. большевистскую партию охватили споры о сути советской экономической и социальной политики. Уровень развития НЭПа заставил обсуждать не только достижение экономических показателей 1913 г., но и вопросы дальнейшего развития народного хозяйства. Споры о характере советской экономики, политике партии в деревне, отношении к возможности экономической автаркии советской промышленности привели к разногласиям внутри партии. Но открытая дискуссия, вполне допустимая в годы Гражданской войны и первые годы НЭПа, к 1925 г. стала практически невозможной. Длительная полемика с левой оппозицией, смерть Ленина и отсутствие единого признанного авторитета вызвали опасение внутривнутрипартийного раскола и страх появления новых «уклонов». Поэтому полемика в 1925 г. носила не всегда явный характер. Однако в ней можно выделить две позиции: в первую входило большинство Политбюро, идейным вдохновителем которого был Н. И. Бухарин, составивший дуумвират со Сталиным [Коэн, с. 254–303], во вторую – представители «новой оппозиции» (Г. Е. Зиновьев, председатель исполкома Коминтерна и Ленинградского совета, Л. Б. Каменев, председатель Моссовета, Н. К. Крупская, нарком финансов Г. Я. Сокольников, М. М. Лашевич). В Ленинграде эту оппозицию

¹ Евдокимов Григорий Еремеевич (1884–1936), член РСДРП с 1903 г., активный участник революции 1917 г., избирался в 1918 г. членом Учредительного собрания. В годы Гражданской войны находился в Петрограде, с начала 1920-х гг. был секретарем Петербургского, затем Ленинградского губкома РКП(б). В 1925 г. был первым секретарем губкома. Член ЦК РКП(б) в 1923–1927 гг. Расстрелян в августе 1936 г. Реабилитирован в 1988 г.

² Сафаров Георгий Иванович (1891–1942), член РСДРП с 1908 г. Участник революции 1917 г., в 1918 г. входил в редакцию центральной партийной газеты «Правда», в 1919–1921 гг. был членом Туркестанского бюро ЦК РКП(б). В 1922 г. перешел на работу в исполком Коминтерна. После возвращения в Петроград стал членом губкома. В начале 1925 г. был представителем губкома в комсомоле, но затем был отстранен от этой работы. В 1926 г. после поражения «новой оппозиции» был назначен торговым представителем СССР в Китае. Один из видных партийных публицистов, теоретик колониального вопроса. Погиб в лагере в 1942 г. Реабилитирован в 1991 г.

поддерживал целый ряд работников губернского комитета партии и руководителей районных комитетов.

Суть разногласий между оппозиционерами и представителями большинства сводилась к тому, какую политику партия должна выработать по отношению к крестьянству и какими путями следует развиваться экономике страны после четырех лет НЭПа. Представители большинства партии, прежде всего Н. И. Бухарин, полагали, что партия должна предоставить большую свободу для развития крестьянского хозяйства и, опираясь на последнее, строить социалистическую экономику. Бухарин отстаивал медленные темпы развития, путь к социализму «черепашьими шагами» [Бухарин, с. 21]. Из конкретных мер, предпринятых в 1925 г. для стимулирования роста крестьянской экономики, можно упомянуть разрешение на найм рабочей силы на селе и снижение сельскохозяйственного налога³. Данные меры вызвали опасение представителей «новой оппозиции». Они полагали, что партия делает ставку на кулака, то есть зажиточного крестьянина, использующего в своем хозяйстве труд наемных рабочих, и таким образом отворачивается от политики опоры на среднее и бедное крестьянство. В области промышленного развития страны разногласия вращались вокруг оценки характера хозяйства. Так, Г. Е. Зиновьев оценивал его как «госкапитализм», систему отношений, при которой государство является собственником основных средств производства, однако и в промышленности, и в сельском хозяйстве сохраняются значительные элементы прежних капиталистических отношений (товарный характер крестьянского хозяйства, найм рабочей силы) [Зиновьев, 1925а, с. 246–258].

Стоит заметить, что, поскольку дискуссия в 1925 г. не велась открыто, эти две группы в партии не могли свободно полемизировать и вербовать себе сторонников. Тем не менее, способ скрытой, подспудной полемики существовал. Намеки на «уклоны», «отклонения» от партийной линии, которые в дискуссиях начала 1920-х гг. были результатом анализа той или иной платформы, к 1925 г. стали предварять собственно дискутирование о тех или иных идеях разных членов партии. Одним из таких уклонов для ленинградских большевиков была позиция Бухарина и его школы, то есть молодых большевистских теоретиков, хотя С. Коэн высказывает сомнения, что критикуемые ими В. Богушевский и Ю. Спасский принадлежали к этой школе [Коэн, с. 264].

Ленинизм родился в партии тогда же, когда воскрес троцкизм – в ходе дискуссий между большинством Политбюро ЦК и Л. Д. Троцким в 1923–1924 гг. [Эннкер, с. 75–85]. Единжды возникнув, ленинизм оказал значительное влияние на практику

³ Найм разрешали принятые в апреле 1925 г. СНК «Временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах трудового типа». Также СНК снизил единый сельскохозяйственный налог на 1925 г.

дискуссии. В 1925 г. в Ленинграде местные большевики, споря с ЦК, постоянно будут прибегать к такому приему, как обвинение своих оппонентов в «ревизии ленинизма», в уклоне от него. Ленинградцы будут доказывать, что они отстаивают верный вариант ленинизма. Можно сказать, что внутрипартийная дискуссия станет спором разнообразных вариантов ленинизма и способом выяснить, какой из них ближе всего к истинному.

Отсылка к ленинизму стала играть роль легитимирующего фактора в любом новом начинании. Ленинградские большевики выступили инициаторами создания обществ культурной смычки города и деревни. Первое такое общество возникло в Московско-Нарвском районе еще в 1923 г., и во главе его стоял секретарь районного комитета партии Д. А. Саркис⁴. Вероятно, эти общества служили своего рода компенсацией слабости партийных организаций на селе, ведь под их эгидой происходила отправка рабочих в отпуска в их родные деревни, что служило и способом пропаганды коммунистических идей среди крестьянства, и способом получения информации о состоянии деревни [Ленинград лицом к деревне]. Информация, которую собирали члены этих обществ, интерпретировалась партийным руководством Ленинграда как подтверждение правильности их политической позиции в отношении линии партии в деревне. Свидетельства рабочих, что в деревне к 1925 г. наблюдался рост влияния кулаков, должны были подкреплять необходимость антикулацкой политики партии, которую отстаивали ленинградские коммунисты.

Помимо обращения к «фактам», члены подобных обществ использовали и практики политического культа. Стремясь показать успешность своей работы, верность ее «ленинской линии», они выпустили отчетную брошюру «Два года работы по заветам Ленина». В самом начале издания была помещена статья В. И. Ленина «Страничка из дневника». Как было сказано в разделе «От редакции», основным содержанием этой статьи была «замечательно ясная постановка вопроса о современных задачах рабочего класса и коммунистической партии в деревне. Из этих же задач должны исходить в своих практических мероприятиях и наши рабочие общества смычки» [Два года работы по заветам Ленина, с. 9]. Завет и задача в данном контексте увязывались воедино: основная цель деятельности общества состоит в том, чтобы в своих задачах воплощать ленинские идеалы. Если «общество смычки» верно выполняет заветы Ленина, то и его политическая позиция не может быть ошибочной. Иными словами, если они верные ленинцы, то правильно видят становление новых социальных явлений.

⁴ Саркисов Саркис Артемьевич (Д. А. Саркис, 1898–1937). Член РСДРП(б) с 1917 г., заведующий организационным отделом Петербургского-Ленинградского губкома партии (1921–1925). Активный участник «новой оппозиции» и «объединенной оппозиции». В 1927 г. исключен из партии, восстановлен в 1928 г. С 1933 по 1937 г. – член ЦК КП(б) Украины. Расстрелян в 1937 г.

Примером обращения к «ленинским заветам» является брошюра за авторством Г. Е. Евдокимова, озаглавленная «Как выполняются заветы Ленина». Вероятнее всего, она была воспроизведением выступления Евдокимова перед торжественным собранием, посвященным годовщине смерти В. И. Ленина (косвенно на это указывалось во вступлении) [Евдокимов, с. 3]. Прежде чем описать работу партии в разных сферах государственной и политической работы, Г. Е. Евдокимов декларировал:

Товарищ Ленин оставил нам громадной ценности наследство: Советское государство, партию и Коминтерн. Все это создано под его руководством. В его жизни, работе и учении мы имеем верные и надежные указания, как продолжать и довести начатое под его руководством дело до победного конца. В дни первой годовщины смерти тов. Ленина каждый член партии, каждый рабочий и крестьянин должен дать себе отчет в том, как мы распорядились этим великим наследством, в том, как мы выполняли и выполняем заветы нашего учителя [Там же].

В этой цитате повторяется практика коммунистической риторики в обращении к идеям В. И. Ленина, его «наследству», «заветам» и «указаниям», которые выступают как фигуры актуальной политической жизни. Советские граждане должны «дать себе отчет», как они распоряжаются ленинским наследством, то есть насколько успешным является строительство социалистического общества в каждый конкретный период. Форма торжественного отчета, приуроченного к годовщине, подразумевает и возможность ритуализации этой практики, которая и произойдет несколько позднее.

Примеры, связанные с деятельностью различных обществ, или торжественные отчеты, приуроченные к годовщинам, позволяли местному партийному руководству очертить круг идей, которые они объединяли под эгидой ленинизма. Полемические брошюры, выходявшие за авторством местных коммунистов в 1925 г., дают возможность проанализировать, как обращение к ленинизму служило способом отграничения одной позиции от другой, как внутри него появлялись различные идейные направления. В ситуации внутрипартийных дискуссий середины 1920-х гг. одна из позиций именовалась «верной ленинской», противоположная же объявлялась уклоном от ленинизма или от партийной линии. Одной из таких работ, рассматривающих «уклоны» от правильной политики в деревне, стала брошюра Г. И. Сафарова «К вопросу о нашей стабилизации».

Вопрос о «стабилизации» восходил к идее оценке мирового положения середины 1920-х гг. В основе этой концепции была мысль о том, что мировое хозяйство (а вместе с ним и советская экономика) постепенно преодолевают последствия Первой мировой войны. Для советского государства это означало оживление промышленности и постепенный рост продуктивности сельского хозяйства. «Стабилизация» ставила под вопрос скорое наступление мировой социали-

стической революции, что обосновывало задачу поиска внутренних ресурсов на проведение индустриализации. Таким образом, встал вопрос о методах взаимодействия партии с крестьянским хозяйством в целях извлечения из него требуемых экономических ресурсов. Эта проблема порождала разные точки зрения в партии.

Два раздела брошюры Г. И. Сафарова были посвящены историческому анализу различных «мелкобуржуазных» ошибок в оценке экономики и хозяйства. В них предлагалась своеобразная телеологическая трактовка развития – от утопического социализма до «уклонов» внутри РКП(б). В двух других разделах давался анализ текущей ситуации: высказывалась мысль, что во всей послевоенной Европе лишь Советский Союз смог восстановить экономику, опираясь на собственные силы, тогда как другие государства попали в зависимость от экономической помощи США. Произошло, по словам Сафарова, «закабаление всех более бедных “держав” более богатыми» [Сафаров, с. 3]. Свое понимание ленинизма Сафаров изложил в четвертом разделе, названном «Еще одна ревизия ленинизма».

Раздел начинался с характеристики двух «опасностей» в оценке политики партии в деревне. Одна из них, сформулированная Ю. Лариным в работе «Советская деревня» [Ларин], и была названа Сафаровым «отголоском полуменьшевистских взглядов на крестьянство» [Сафаров, с. 26]. Другая заключалась в недооценке отрицательных сторон НЭПа. Дав такую характеристику этой позиции, Сафаров на той же странице замечает, что она «отбрасывает» резолюцию XI партийного съезда о профсоюзах, «писаную Ильичом». Появление этой точки зрения автор связывает с восстановлением советской экономики. Аргументация против этой позиции риторически выстраивается Сафаровым при помощи цитирования: он приводит выдержку из какой-либо статьи оппонентов, дает ей краткую характеристику, а потом в подтверждение своих слов приводит слова В. И. Ленина:

В Соед. Штатах или в Канаде фермер льет воду на мельницу финансового капитализма, у нас он даже в своем законченном «кулацком» виде будет одним из винтиков машины социалистического накопления... Охваченный кольцом социалистических командных высот, аграрный капитализм будет рычагом роста социалистических элементов советского хозяйства. Здесь перед нашими глазами мелькают марксистские словечки, но они лишены всякого классового содержания. Гармония между различными классовыми элементами здесь нарисована столь полная, что не оказывается совсем места ни для какой стихийной классовой борьбы... Мелкобуржуазный метод есть метод строительства отношений возможно большего социального мира [Сафаров, с. 28].

В первом случае курсивом сам Сафаров выделил цитату из статьи Ю. Спасского, затем он выразил свою позицию и в довершение усилил ее цитатой из Ленина, также набранной курсивом.

Статья Юрия Спасского «На переломе (из деревенской литературы)» вышла в пятом номере журнала «Печать и революция» за 1925 г. Это издание 1920-х гг. было посвящено искусству, а статья была опубликована в рубрике «Обозрение искусств и литературы», в которой помещались обзоры различных книжных новинок [Спасский]. Внимание Сафарова привлек процитированный им фрагмент статьи, который занимает в ней не столь значительное место. Гораздо больше в ней уделено внимания описанию решений XIV Конференции РКП(б), состоявшейся весной 1925 г., а также приводятся цитаты из различных работ партийных публицистов по вопросу о политике в деревне, в том числе автор ссылается и на Г. Е. Зиновьева. Можно утверждать, что в среде рядовых членов партии из Ленинграда статья не вызвала почти никакого отклика, что объясняется статусом ее автора и типом журнала. Спасский был малоизвестным литературным работником, он не принадлежал к числу партийных теоретиков, а издание, в котором статья вышла, вряд ли активно читали партийцы районного уровня.

Схожим образом построена аргументация в заметке Сафарова и далее. На трех страницах [Сафаров, с. 29–32] автор пространно цитирует статью В. Богушевского [Богушевский], комментирует, а затем приводит подходящую мысль Ленина. Богушевский выдвигал идею о том, что при анализе экономической трансформации нэповской деревни термин «кулак» использовать неверно, отсылая к реалиям дореволюционной деревни. При этом в подтверждение, что кулак – это ограниченное во времени социальное явление, он также ссылался на рассуждения Ленина в работе «Развитие капитализма в России», где тот различает кулака как тип ростовщика и собственно сельскую буржуазию. По Ленину, кулак исчезнет с развитием рынка, а Богушевский связывает его окончательное исчезновение из послереволюционного села с развитием государственной кооперации. Одной из возможных причин столь острой реакции на заметку Богушевского могло стать место ее публикации: «Большевик» был официальным органом ЦК, и его материалы должны были восприниматься как отражение позиции партийного руководства. Получалось, что официальная позиция партии, транслируемая изданием, состояла в том, что кулаки в деревне исчезают. Ленинградские большевики, напротив, настаивали на том, что позиции кулаков усиливаются.

Завершалась брошюра Сафарова пассажем о том, что в конечном итоге социалистические тенденции развития советской экономики окажутся сильнее «мелкобуржуазной отсталости», и партия должна идти вперед, причем «только по-ленински» [Сафаров, с. 37]. Автор вкладывает в это «по-ленински» настороженное отношение к нэповской экономике и порождаемым ею тенденциям. Партийная политика должна строиться не просто в виде реакции на эти тенденции, но на основе активного вмешательства в ход развития социальных отношений в пользу рабочих и крестьян.

Некоторые партийные лидеры могли трактовать верность заветам вождя как способ поиска истинной политической позиции. В работе Г. Е. Зиновьева «Ленинизм», которая в контексте дебатов 1925 г. была одной из основополагающих для формирования позиции ленинградской партийной организации, автор настаивал:

Ленинизм конкретен, как всякая истина конкретна. Первое требование ленинизма заключается в том, чтобы каждая тактическая истина применялась в зависимости от конкретной обстановки, от условий места и времени. Мы были бы только начетчиками ленинизма, мы не были бы достойны своего учителя, если бы не умели изменять своей тактики и приемов руководства вместе с меняющейся обстановкой. Чтобы быть верным заветам Ленина, надо уметь видеть новое в обстановке, когда это новое еще только рождается [Зиновьев, 1925а, с. 209].

Завет в данном случае выступает не в роли готового решения, которое можно отыскать в работах Ленина, но как верность самому теоретическому принципу – конкретному анализу конкретных обстоятельств и поиску истины, базирующейся на этом анализе.

Лидер местной коммунистической организации предпринимал немало усилий для того, чтобы создать свой образ как верного ленинца, вкладывая при этом в понятие «ленинизм» собственное содержание [Lih]. Чтобы понять, какую роль ленинизм как практика играл в ходе споров 1925 г., нужно разобрать, как Зиновьев в этой работе описывает позицию В. И. Ленина по отношению к НЭПу. В книге есть несколько глав, описывающих связь ленинизма с актуальными вопросами политики партии.

В первой главе «Ленинизм и НЭП. НЭП и государственный капитализм» Зиновьев сформулировал принципы, на которых должно строиться отношение партии к новой экономической политике. Основными характеристиками НЭПа были «отступление» и «государственный капитализм». Обильно цитируя работы Ленина, Зиновьев высказал мысль, что НЭП, по сути, не является кардинально иной политикой для советского государства, он лишь тактический маневр, который должен будет смениться «наступлением», переходом к социалистической индустриализации. Но для текущего этапа развития советского хозяйства важно было определение советской экономики как «государственного капитализма». Для Зиновьева это означало сохранение элементов капиталистической экономической системы, которые находятся в руках рабочего государства.

Рассматривая политику партии в деревне, Г. Е. Зиновьев сосредоточился на том, как она должна относиться к кулаку. Аргументацию своей антикулацкой позиции Зиновьев построил на цитировании Ленина и комментариях к нему:

Кулаки – самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры... Кулаков больше, чем помещиков и капиталистов. Но все же кулаки – меньшинство в народе... едва ли больше двух миллионов (двух миллионов! Это – к сведению тех, кто утверждает, что кулаков у нас «почти» нет) будет кулачья, богатеев, спекулянтов хлебом [Зиновьев, 1925а, с. 273].

В приведенной цитате позиция Зиновьева заключена прямо в выдержку из произведения Ленина, что позволяло еще более заострить антикулацкий характер цитаты и открыто направить ее против тех членов партии, кто выступали с другой позицией (в скобках Зиновьев дает свой комментарий). Такая политика цитирования превращала книгу не только в пособие по ленинизму, но и в средство политической полемики. В ней позиции Ленина по тем или иным вопросам не просто описывались, а противопоставлялись взглядам некоторых большевиков.

Политическая практика должна иметь субъектов, воспроизводящих идеологию, и ленинизм также создает такую группу – ленинцев. Г. Е. Зиновьев в одной из статей по поводу кончины Ленина определяет ленинцев функционально, через описание стоящих перед ними задач: «закрепить союз рабочего класса и крестьянства», «укрепить связь партии с беспартийной рабочей массой», «уберечь единство партии»; последней ставилась задача борьбы с «извращениями ленинизма» [Зиновьев, 1925b, с. 51–52].

Говоря о партийном единстве, Г. Е. Зиновьев пишет, что «партию нашу Владимир Ильич всегда мыслил как монолитное целое, как вылитую из одного куска организацию» [Там же, с. 52]. Представление о монолитной партии разделял не только Зиновьев, но и многие ленинградские большевики. «Наша организация, как говорится, является действительно монолитной и в смысле дисциплинированности, и в смысле выполнения всяких директив», – утверждал докладчик на районной партийной конференции в Ленинграде осенью 1925 г. [ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 143. Л. 53]. На конференции Петроградского района звучали подобные же слова:

Должна быть монолитна, едина, объединена ленинским единством, и мы выражаем уверенность, что ленинская организация, поскольку она явилась одним из передовых отрядов ленинской гвардии, будет таковой и дальше [ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 189. Л. 70].

Тавтология и повторы в выступлении усиливали это утверждение единства: «едина, объединена ленинским единством»; определение «ленинский» в этой короткой цитате повторяется три раза. Все вместе это больше похоже на обращение к известным клишированным формам речи, функция которых – не столько сообщить информацию, сколько воспроизвести уже известные положения и убедить слушателя. Единство партии на Выборгской районной конференции было осмыслено в категориях противопоставления формального и суще-

ственного: «у нас действительно по-настоящему не казенное и формальное, а внутреннее единство в нашей организации» [ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 143. Л. 53].

Главная задача, которую Г. Е. Зиновьев поставил перед ленинцами, – «остаться партией воинствующего большевизма» – предполагала борьбу с разными внутривнутрипартийными уклонами и оппозициями⁵:

На сегодняшних конференциях мы должны красной нитью подчеркнуть то единство партии, которое не разрушат никакие уклоны, которые подчас бывают в нашей коммунистической партии. Эти внутривнутрипартийные уклоны, подчас мелкобуржуазные, наша стальная Ленинградская организация будет сметать своей мощной рукой, –

говорилось одним из делегатов той же Выборгской районной партийной конференции [ЦГАИПД. Ф. 2. Д. 142. Л. 20].

В некоторых случаях ленинизм в глазах партийцев выступал как средство борьбы с оппонентами в дискуссии или даже как практика, способная дискуссии прекратить. Помимо выступлений в прениях, делегаты районных конференций посылали в президиумы целый ряд записок [Раков]. В одной из записок, поданной во время работы партийной конференции Петроградского района, задавался такой вопрос:

Чем объяснить замазывание кулака Богушевским, в то время как кулак при последних перевыборах в Сельсоветы на ряде фактов, что он существует, и мало того, претендует на руководящую роль в деревне, на чем же тогда Богушевский основывается. Отражает ли Богушевский определенное течение в партии (какое незамазанных ли троцкистов), или он одиночка. Не лучше ли, чем дискутировать с ним, просто побить его Лениным и фактами, и баста (сохранены стиль и орфография оригинала. – Т. Р.)? [Раков, с. 168].

В последнем предложении делегата-коммуниста «Ленин» и «факты» оказались равнозначны, что можно понять, если вернуться к идее Зиновьева о том, «чтобы каждая тактическая истина применялась в зависимости от конкретной обстановки, от условий места и времени». Если сравнить ее с содержанием записки, то перед нами возникнут два возможных пути развития практики ленинизма. Зиновьев выступает за ленинизм как процесс движения к истине, который в зависимости от обстоятельств может выглядеть по-разному. Во втором случае ленинизм выступает как объект, как истина, уже явленная нам непосредственно, которую можно применить практически к любой ситуации. Рядовой коммунист воспринимает слова партийных лидеров о верности заветам Ленина не как предложение сопоставлять

⁵ Понятие «уклон» появилось в партии достаточно рано и, видимо, означало нечто меньшее, чем организованную группу, скорее речь шла о некоем идейном отклонении [Halfin].

с его текстами те или иные идеи и делать вывод об их соответствии истинной политике партии, а как указание на то, что в самих цитатах из Ленина и содержится истинная политика. Таким образом, необходимость в анализе конкретной позиции можно было отбросить – ленинизм предвзял собой этот анализ и заменял его, что и говорится в приведенной записке. Дискуссия требуется для того, чтобы выявить все аспекты чьих-то взглядов, но раз есть корпус текстов, содержащих истину, то обращение к ним само по себе служит заменой выявлению политической линии через дискуссию.

Однако данное различие не отменяло того, что и рядовые коммунисты, и партийные лидеры прибегали к инструментализации ленинизма. Зиновьев стремился увидеть в цитатах Ленина способ движения к истине, но также он использовал их в качестве орудия политической борьбы с оппонентами, которые «уклоняются» от истины.

Ленинизм уже в 1925 г., как видно на примере ленинградской партийной организации, становился способом легитимации практически любых действий, будь то обоснование антикулацкой политической линии или же всего лишь отчет о деятельности общественной организации. В то же время акцент на практике позволяет говорить о том, что ленинизм не был некой навязанной сверху идеологией или бессодержательным ритуалом. Ленинградские большевики, по крайней мере, упомянутые в статье ближайшие соратники Зиновьева в губкоме, вкладывали в него конкретное содержание. Рядовые коммунисты выражали политическую направленность практик обращения к ленинизму прямее, чем их осторожные лидеры, и могли воспринимать ленинизм буквально как средство борьбы с уклонами. Подобный аспект «низового» ленинизма, на наш взгляд, объясняет, почему в начале 1926 г. ленинградская оппозиция проиграла: обернувшееся против нее обвинение в уклонах из уст авторитетнейшего партийного органа – ЦК – подорвало ее позиции в городе.

Список литературы

Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. С. 14–58.

Богушевский В. О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии // Большевик. 1925. № 9–10. С. 59–64.

Бухарин Н. И. К итогам XIV съезда ВКП(б). Л. : Прибой, 1926. 62 с.

Вихров В. М. Коммунистический лидер Г. Е. Зиновьев во главе Петрограда – Ленинграда (конец 1917 г. – начало 1926 г.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2011. 227 с.

Два года работы по заветам Ленина. Опыт ленинградских рабочих в деле помощи культурному и хозяйственному развитию деревни с 7 рисунками : сб. ст. и материалов. Л. : Прибой, 1925. 160 с.

Евдокимов Г. Е. Как партия и советская власть выполняют заветы тов. Ленина. Л. : Прибой, 1925. 30 с.

Зиновьев Г. Е. Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. Л. : Гос. изд-во, 1925а. 400 с.

- Зиновьев Г. Е. На смерть Ленина. Л. : Гос. изд-во, 1925b. 60 с.
- Коэн С. Бухарин : Политическая биография. 1888–1938. М. : Прогресс, 1988. 574 с.
- Ларин Ю. Советская деревня. М. : Экон. жизнь, 1925. 384 с.
- Ленинград лицом к деревне : стеногр. отчет Первой Ленинград. губерн. конф. рабочих обществ смычки города с деревней. Л. : Прибой, 1925. 123 с.
- Раков Т. Н. Политическое настроение ленинградских коммунистов в 1925 г. (через призму записок на районных партийных конференциях) // Вестн. Перм. ун-та. История. 2018. № 1. С. 165–172. DOI 10.17072/2219-3111-2018-1-165-171.
- Сафаров Г. И. К вопросу о нашей стабилизации : (Беглые заметки). Л. : Прибой, 1925. 39 с.
- Спаский Ю. На переломе : (Из деревенской литературы) // Печать и революция. 1925. № 5-6. С. 305–312.
- ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142, 143; Ф. 3. Оп. 1. Д. 62; Ф. 6. Оп. 1. Д. 189.
- Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 438 с.
- Ennker B. Struggling for Stalin's Soul: The Leader Cult and the Balance of Social Power in Stalin's Inner Circle // Personality Cults in Stalinism / ed. by J. Plamper, H. Keller. Göttingen : V&R Unipress, 2004. P. 161–195.
- Halfin I. Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh : Univ. of Pittsburgh Press, 2007. 416 p.
- Lih L. Zinoviev: Populist Leninist // The NEP Era: Soviet Russia, 1921–1928. Vol. 2. 2008. P. 1–23.
- Plamper J. The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 2012. 310 p.
- Rolf M. The Leader's Many Bodies: Leader Cults and Mass Festivals in Voronezh, Novosibirsk, and Kemerovo in the 1930's // Personality Cults in Stalinism / ed. by J. Plamper, H. Keller. Göttingen : V&R Unipress, 2004. P. 197–206.
- Tumarkin N. Lenin Lives! : The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, Mass. ; L. : Harvard Univ. Press, 1983. 315 p.
- Velikanova O. Making of an Idol: On Uses of Lenin. Göttingen : Muster-Schmidt, 1996. 179 p.

References

- Althusser, L. (2011). Ideologija i ideologičeskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya) [Ideology and Ideological State Apparatuses (Study Notes)]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 3. pp. 14–58.
- Bogushevskii, V. (1925). O derevenskom kulake ili o roli traditsii v terminologii [About the Village Kulak or Considering the Role of Tradition in Terminology]. In *Bol'shevik*. No. 9–10, pp. 59–64.
- Bukharin, N. I. (1926). *K itogam XIV s"ezda VKP(b)* [On the Results of the 14th Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. Leningrad, Priboi. 62 p.
- Cohen, S. (1988). *Bukharin. Politicheskaya biografija. 1888–1938* [Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938]. Moscow, Progress. 574 p.
- Dva goda raboty po zavetam Lenina. Opyt leningradskikh rabochikh v dele pomoshchi kul'turnomu i khozyaistvennomu razvitiyu derevni s 7 risunkami. Sbornik statei i materialov* [Two Years of Work According to Lenin's Precepts. Experience of Leningrad Workers in Assisting the Cultural and Economic Development of the Village with 7 Pictures. A Collection of Articles and Materials]. (1925). Leningrad, Priboi. 160 p.
- Ennker, B. (2004). Struggling for Stalin's Soul: The Leader Cult and the Balance of Social Power in Stalin's Inner Circle. In Plamper, J., Keller, H. (Eds.). *Personality Cults in Stalinism*. Göttingen, V&R Unipress, pp. 161–195.
- Ennker, B. (2011). *Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soyuze* [Forming the Cult of Lenin in the Soviet Union]. Moscow, ROSSPEN, Fond "Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina". 438 p.

Evdokimov, G. E. (1925). *Kak partiya i sovetskaya vlast' vypolnyayut zavety tov. Lenina* [How the Party and Soviet Power Carry out the Precepts of Comrade Lenin]. Leningrad, Priboi. 30 p.

Halfin, I. (2007). *Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928*. Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh Press. 416 p.

Larin, Yu. (1925). *Sovetskaya derevnya* [The Soviet Village]. Moscow, Ekonomicheskaya zhizn'. 384 p.

Leningrad litsom k derevne. Stenograficheskii otchet Pervoi Leningradskoi gubernskoi konferentsii rabochikh obshchestv smychki goroda s derevnei [Leningrad Facing the Village. Stenographic Report of the First Leningrad Regional Conference of the Workers' Societies of the Union of the City and the Village]. (1925). Leningrad, Priboi. 123 p.

Lih, L. (2008). Zinoviev: Populist Leninist. In *The NEP Era: Soviet Russia, 1921–1928*. Vol. 2, pp. 1–23.

Plamper, J. (2012). *The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power*. N. Haven, L., Yale Univ. Press. 310 p.

Rakov, T. N. (2018). Politicheskoe nastroyenie leningradskikh kommunistov v 1925 g. (cherez prizmu zapisok na raionnykh partiinykh konferentsiyakh) [*Zapiski* from District Party Conferences as a Reflection of the Political Moods of Leningrad Communists in 1925]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. No. 1, pp. 165–172. DOI 10.17072/2219-3111-2018-1-165-171.

Rolf, M. (2004). The Leader's Many Bodies: Leader Cults and Mass Festivals in Voronezh, Novosibirsk, and Kemerovo in the 1930's. In Plamper, J., Keller, H. (Eds.). *Personality Cults in Stalinism*. Göttingen, V&R Unipress, pp. 197–206

Safarov, G. I. (1925). *K voprosu o nashei stabilizatsii. (Beglye zametki)* [To the Question of Our Stabilisation. (Short Reports)]. Leningrad, Priboi. 39 p.

Spasskii, Yu. (1925). *Na perelome. (Iz derevenskoi literatury)* [On the Turning Point. (From Rural Literature)]. In *Pechat' i revolyutsiya*. No. 5–6, pp. 305–312.

TsGAIPD [Central State Archive of Historical and Political Documents]. Stock 2. List 1. Dos. 142, 143; Stock 3. List 1. Dos. 62; Stock 6. List 1. Dos. 189.

Tumarkin, N. (1983). *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge, Mass, L., Harvard Univ. Press. 315 p.

Velikanova, O. (1996). *Making of an Idol: On Uses of Lenin*. Göttingen, Muster-Schmidt. 179 p.

Vikhrov, V. M. (2011). *Kommunisticheskii lider G. E. Zinov'ev vo glave Petrograda – Leningrada (konets 1917 g. – nachalo 1926 g.)* [Communist Leader G. E. Zinoviev at the Head of Petrograd – Leningrad (Late 1917 – Early 1926)]. Dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, S. n. 227 p.

Zinov'ev, G. E. (1925a). *Leninizm. Vvedenie v izuchenie leninizma* [Leninism. An Introduction to the Study of Leninism]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 400 p.

Zinov'ev, G. E. (1925b). *Na smert' Lenina* [On the Death of Lenin]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 60 p.

The article was submitted on 19.02.2018